

Anna Woźniak

Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II

ИДЕЯ «НЕПРИМИРИМОСТИ» В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ЗИНАИДЫ ГИПИУС. МЕЖДУ СОПРОТИВЛЕНИЕМ И ОБЪЕДИНЕНИЕМ

The Idea of “Irreconcilability” in the Émigré Journalism by Zinaida Gippius. From Resistance Towards Call for Unity

ABSTRACT: The article discusses the idea of “irreconcilability” (nieprimirymost), which emerged in the White Russian emigration circles in the 1920s and 1930s. It was promoted in the press and was part of the official rituals practiced by the émigrés. The idea is credited to Zinaida Gippius. She managed to gather a group of post-revolution émigrés in the 1920s Warsaw – people with strong anti-bolshevik and radical pro-Polish views. Originally, the idea was of religious-spiritual kind, to later become a political concept as well. Its reception among the émigrés varied. Some rejected it utterly. Gippius herself made a frequent use of the idea in her Paris journalism. The article discusses the particular exponents of the idea, with its focus on resistance and on the uncompromised attitude of its advocates against the Soviet regime. For Gippius, the idea was not only a manifestation of the émigré identity, or an exponent of the fundamental ontology of the Russian emigration, but it also had its axiological dimension, too. The article also touches upon the evolutionary nature of Gippius’ views on “irreconcilability”, which reveal her gradual departure from hatred towards the ideological opponents, gradually substituted with a more and more intense call for the unity among the conflicted émigré circles in their common struggle for Russia.

KEYWORDS: White Russian emigration, Zinaida Gippius, idea of “irreconcilability”, political concept, unity

Роль Зинаиды Гиппиус в культурной жизни русской эмиграции неоспорима, несмотря на диаметрально разное восприятие ее деятельности, отрицание средой стремления Мережковских¹ к руководству эмигрантской политике-

¹ А. Соколов, *Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов*, Москва 1991, с. 28.

ской и художественной жизнью и желая влиять на курс литературы и культуры². Писательница весьма активно действовала в эмигрантской парижской жизни, принимала участие в работе литературных объединений, в заседаниях литературно-философской «Зеленой лампы» и воскресных чтениях, которые устраивались по инициативе Мережковских. Она была при этом известным литературным критиком и публицистом, писала отчеты о заседаниях «Зеленой лампы», печатавшиеся в журнале «Новый корабль»³, активно сотрудничала также с другими журналами: «Современные записки»⁴, «Числа», «Возрождение», «Новый корабль», «Звено», «Последние новости». На эмигрантской публицистике Гиппиус сильно сказались такие вопросы, как духовная жизнь в зарубежье, идея сохранения традиции и миссия русских изгнанников, вопрос русской интеллигенции и будущего России, кроме того религиозная проблематика и, наконец, травматически переживаемая трагедия родины, а также, как считала писательница, глобальная катастрофа, произошедшая в 1917 году.

Среди этих существенных идейных, интеллектуально-литературных, политических и религиозных вопросов, поднимаемых писательницей, идея непримиримости – первоначально сформулированная как религиозно-духовный идеал, а только потом как политическая «теория сопротивления», – сыграла немаловажную роль. При этом прибавила Мережковским, рядом со сторонниками, немалое количество оппонентов и врагов.

В мировоззрении Гиппиус непримиримость вытекала, как известно, из абсолютной ненависти к большевикам и введенной ими системе зла в традиционной России. Стоит напомнить, что уже в советской России в записках дневника *Черные тетради* Гиппиус обнаружила сильную вражду к власти большевиков и акцентировала необходимость борьбы с ней для сохранения чести России, при этом подтверждая готовность примириться с кем-либо ради уничтожения большевизма⁵. Как можно предполагать, от этой яркой ненави-

² См. Н.Н. Нартыев, *Зинаида Гиппиус*, [в:] *Литература русского зарубежья (1920–1990). Учебное пособие*, под. общ. ред. А.И. Смирновой, Москва 2006, с. 130.

³ В парижском журнале «Новый корабль» (1927–1928) печатались протоколы заседаний «Зеленой лампы». Вышли всего 4 тетрадки.

⁴ С «Современными записками» она сотрудничала с 1922 г. (кн. 1) по 1926 г. (кн. 27). См. Н. Богомолов, *Цензура, автоцензура и редакция. Зинаида Гиппиус в «Современных записках»*, [в:] *Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж 1920–1940). Сборник статей и материалов*, под ред. О. Коростелева и М. Шрубы, Москва 2010, с. 129–139, здесь, с. 130.

⁵ З.Н. Гиппиус, *Черные тетради (1917–1919)*, [в:] она же, *Ничего не боюсь*, Москва: Вагриус 2004, с. 434. Она писала: «кто бы ни боролся с большевиками – лишь бы победил, кто бы ни шел против них – всякому помогать. Ибо КАЖДЫЙ ЛИШНИЙ ДЕНЬ ИМЕННО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ – ЛИШНИЙ ГОД ПОЗОРА РОССИИ. Каждый лишний час их сидения увеличивает вероятность нашей совершенной гибели» (орфография оригинала).

сти к диктатуре большевиков, к «Царству Антихриста», появились в дальнейшей эмигрантской жизни писательницы контакты, а вместе с ними и надежда, связанная с вождями – фигурами эпохи, способными нанести поражение большевикам, – как с Пилсудским, так и с Муссолини, так и с Гитлером.

Напомним, что белая эмиграция взяла на себя миссию продолжения русской национальной идеи. Уже в начале 20-х годов, в 1922 г. в Париже, по инициативе Зинаиды Гиппиус, сгруппировалось вокруг нее религиозное, «духовно-революционное» и одновременно политическое объединение «Союз непримиримых» (Орден непримиримых). В Союз вошли единомышленники Гиппиус: Д. Мережковский, В. Злобин, А. Карташев, Н. Чайковский, И. Демидов. В тексте, написанном Гиппиус, *Profession de foi*⁶, который был своего рода манифестом этого объединения, подчеркивалась постоянная идея, гласимая ею, о религиозной революции, о том, что истинная революция возможна лишь в связи с религией и духовным элементом, в союзе с «силой религиозного миропонимания», которая ведет «к сознанию общности интересов, к любви и к сотрудничеству»⁷, наконец к духовному возрождению и объединению. Гиппиус выражала свои мысли в этом трактате в сугубо возвышенном тоне, все время продолжая отстаивать свои взгляды на религию и духовную революцию:

...необходимо, признав истинность Христианства во всей полноте и праведность чисто-христианской эпохи, приняв как главное учение о Богочеловеке, – стать на пророчески, обещанием Духа, указанный в Христианстве путь, на путь искания новой связи (religio) между ныне разделенными Небом и Землей и разделенными отдельными личностями⁸.

Заседания Ордена непримиримых, по интеллектуальной атмосфере и духовному климату дискуссий, оказались сходными с известными петербургскими Религиозно-Философскими собраниями начала XX века, в которых писательница сыграла довольно важную роль⁹. Главные лозунги Союза непримиримых заключались в твердом противостоянии большевизму, материализму и атеиз-

⁶ См. З. Гиппиус, *Profession de foi*, Публикация Т. Пахмусс, «Новый журнал», Нью-Йорк 1975, № 121, с. 136–137.

⁷ См. Т.Г. Юрченко, «...Кем не владеет Бог – владеет рок», [в:] З. Гиппиус, *Сочинения. Романы в 2 томах*, вступ. статья, состав., подготовка текста Т.Г. Юрченко, Москва 2001, с. 16.

⁸ З. Гиппиус, *Profession de foi*, с. 137.

⁹ См. А. Woźniak, „Forum wolnego słowa”. *Petersburskie „Zebrania Religijno-Filozoficzne” w publicystyce Zinaidy Gippius lat trzydziestych XX wieku*, [w:] *Wolność w kulturze rosyjskiej*. Tom jubileuszowy poświęcony Pani Profesor Annie Raźny, pod red. H. Kowalskiej-Stus i A. Krzywdzińskiej, Kraków: UJ 2015, s. 159–170.

му, а основная задача его членов сводилась к работе по духовному преобразованию мира на основе таких идеалов, как христианская любовь, братство, свобода, равенство, добро, взаимное уважение и жертва¹⁰. «Искатели света», как определяли сторонников Союза непримиримых, боролись за зарождающуюся, еще в начале XX века, утопическую идею осуществления Царства Божия на земле и продолжали эту старую миссию, выступая против косности материи во имя одухотворения жизни. Их задачей, как писала Гиппиус, было: «Преобразование общества путем совместной работы в жизни – над самой жизнью, во всех ее областях...»¹¹.

Непримиримость, надо отметить, была вообще в зарубежье довольно распространенной белой идеей, связанной с правым политическим крылом. Официальный толчок к ее распространению связан с призывом митрополита Антония (Храповицкого) к эмигрантам в октябре 1927 г. День 7 ноября в эмиграции был официально объявлен Днем Непримиримости, днем национальной трагедии России. Однако традиция проведения ежегодных Дней Непримиримости была заложена еще раньше, в Польше. Русский Политический Комитет в Варшаве, основанный в начале 1920 г., которому председательствовал Борис Савинков, а членами комитета были Дмитрий Философов (стал вскоре его председателем), Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Николай Чайковский, Федор Родичев, Николай Буланов, Карл Гершельман и другие, выступил именно с таким предложением, чтобы отмечать день трагедии России. В программе Комитета, в частности, указывалось на его главную цель, а именно формирование русских военных отрядов в Польше для борьбы с большевиками¹². Деятельность Комитета и объединения «савинковцев» (во главе стоял Философов), группы с пропольской ориентацией, работавшей в направлении соглашения и тесного военного и политического сотрудничества с поляками, однако, прекратилась после депортирования в октябре 1921 г. польскими властями из Польши ряда деятелей РПК¹³ и большинства соратников Савинкова¹⁴.

¹⁰ З.Н. Гиппиус, *О «Союзе Непримиримости»*, [в:] Т. Пахмусс, *Из архивов Зинаиды Николаевны Гиппиус. Ранние годы эмиграции, «Записки Русской академической группы в США»*. 1990, т. 23, с. 218; А.А. Алексеева, *З.Н. Гиппиус*, [в:] *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*, т. 4, А.-Л. ИННОН РАН Москва 2011, с. 188.

¹¹ Цит. по: I. Krycka-Michnowska, *O sobie, o Rosji, o duszy rosyjskiej. Dzienniki Zinajdy Gippius*, Katowice 2015, s. 429.

¹² Об этом писала сама Гиппиус в дневниках и мемуарной прозе. См. она же: *Польша 20-го года*, [в:] *Ничего не боюсь*, Москва 2004, с. 209, 211–213; См. А. Mochola, *Программа русского Политического Комитета в Варшаве*, [в:] http://www.mochola.org/russiaabroad/rpkpl_prog_1.htm (11.10.2012).

¹³ А. Mochola, *Программа русского Политического Комитета в Варшаве*.

¹⁴ Единственным из руководителей группы савинковцев, был, как писал польский исследователь В. Станиславский, Дмитрий Философов, «кому разрешено было остаться в Польше».

Можно предположить, что варшавский проект «непримиримости» впоследствии стал, как у Гиппиус, так и эмигрантской среды, основой для его довольно успешного продолжения уже в Париже. Во Франции Гиппиус, разочаровавшаяся в поляках и в рижском договоре, естественно, много писала в книге *Дмитрий Мережковский* (в части *Польша 20-го года*) о деятелях Русского Политического Комитета и их контактах с польскими властями, ауденции Мережковского у Пилсудского, как правило, недоброжелательно вспоминала Савинкова. Писательница с особым уважением и верностью относилась не только к Философову, ее другу, но и к Родичеву, юристу, полонофилу, демократу, одному из лидеров партии кадетов, а при этом «удивительно ясному, прекрасному и честному человеку»¹⁵.

Итак, идею непримиримости можно прежде всего понимать как идею сопротивления, борьбу с большевизмом и тем самым видеть в ней, как минимум, поиски идентичности русского зарубежья. Эта идея на рубеже 20-х и 30-х годов XX века оказалась столь экспансивной в кругу русских эмигрантов, что она стала популярной в эмигрантской прессе, публицистике и политической жизни, ее пропагандировали многие органы с разнообразной идейной программой и разным мировоззренческим уклоном. Непримиримость, однако, воспринималась в зарубежье также очень отрицательно, а многие эмигранты резко от нее отмежевывались.

Ссылаясь на теоретические установки Гиппиус, начнем с самого термина «непримиримость», так как публицистка, любительница точных определений, стремилась к наиболее ясным словесным формулировкам и не пренебрегала своего рода языковой игрой. Непримиримость – у Гиппиус определяется двойственным способом: само слово означает внутренне не–согласие, отсутствие примиренности, мира; с другой же стороны его суть сводится извне к положительной семантике, ибо говорит, как поступать положительно на пути осуществления главных идеалов, как работать в эмигрантской среде и пропагандировать активизм. Для чего? Для уничтожения главного врага, – большевизма. О том, какое значение имело для писательницы само это слово, свидетельствуют многие его дефиниции и поиски его наиболее точного и определенного смысла.

В очерке *Опять о непримиримости* (1929) Гиппиус акцентировала:

См. В. Станиславский, *Согласие и раздоры. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой. Статья вторая*, «Новая Польша» 2006, № 9 (78), с. 39.

¹⁵ З.Н. Гиппиус, *Польша 20-го года*, с. 212–213. Гиппиус упоминала, что по проекту соглашения Русского комитета с Пилсудским «Польша обязуется содействовать свержению большевиков „в течение 20-го года”». Там же, с. 213.

Мы живем, однако, среди людей, из которых многие тоже не эмигранты, или полуэмигранты [...] Внеэмигрантство ... тайное. Вскрыть его нельзя (а следует!) не обратившись раньше к „хорошему” слову „непримиримость”, не вдувавшись в него сызнова, не поняв его действительного значения¹⁶.

Дальше она определяла это понятие: «Непримиримость – не программа. Не знамя. Даже не лозунг. „Объединяться” на ней нельзя»¹⁷. В дальнейшем акцентировала:

Стремясь к точности, не назову ее даже «raison d'être». [...] Нет, непримиримость это *само существование эмиграции* как и самого слова „эмиграция”. Произнося слово „эмигрант” – мы обязаны подразумевать „непримиримый”. Когда этого нельзя, надо оставить слово в покое¹⁸.

Таким образом, непримиримость – это, по мнению Гиппиус, само существование эмиграции, ее бытие, фундаментальная онтология и, тем самым, идентичность эмигрантов. Писательница спорила насчет непримиримости с Федором Степуном, который в свою очередь, не считал непримиримости задачей эмиграции и отмечал: «Задача эмиграции вовсе не в твердокаменной непримиримости...». Гиппиус же утверждала в тексте *Душу потерять*, цитируя вышеприведенные слова Степуна, подчеркивая существенную роль непримиримости в работе эмигрантов:

Время наше требует определенных утверждений и отрицаний. Большевику и большевикам мы говорим самое немерцающее „нет”: как его не верти, оно со всех сторон будет „нет”. Основание его – твердый камень, оттого и непримиримость наша [...] „твердокаменная”¹⁹.

И дальше она продолжала:

Кто же говорил, что непримиримость задача? Мы и другие, не потерявшие еще *волю*, говорим очень точно: непримиримость *не* задача эмиграции, но ни одной своей задачи *без непримиримости* (твердокаменной!) эмиграция выполнить не может и не выполнит²⁰. ...надо забыть Россию. Надо потерять ее; вольно *принять* потерю России. И тогда мы ее приобретем²¹.

¹⁶ З.Н. Гиппиус, *Опять о непримиримости*, [в:] она же, *Чего не было и что было, Незвестная проза (1926–1930)*, СПб, изд. «Росток» 2002, с. 471. (Статья опубликована впервые: «Возрождение», Париж 1929, № 1338, с. 2–3).

¹⁷ Там же, с. 471.

¹⁸ Там же, с. 472 (орфография оригинала).

¹⁹ З.Н. Гиппиус, *Душу потерять*, [в:] *Чего не было и что было*, с. 423. (Впервые: «Новый корабль», Париж 1928, № 3, с. 58–59, статья написана под псевдонимом Лев Пуцин).

²⁰ Там же, с. 423 (орфография оригинала).

²¹ Там же, с. 425.

Абсолютная непримиримость, таким образом, в восприятии Гиппиус отождествляется органически с понятием эмиграции, а непримиримый означает эмигранта, все остальное в идейном и политическом планах, что не помещается в этом пространстве не имеет для автора значения. Она категорически требовала от непримиримых борьбы с большевизмом, а это требование ясного исповедования своих убеждений и твердой мировоззренческой позиции направляла также к журналам, которые отождествляли свою программу с непримиримостью. В статье *Опять о непримиримости* Гиппиус писала:

от эмигранта (т.е. непримиримого) требуется, очевидно, и открытое и твердое „исповедование” непримиримости, – во всех нужных случаях (непрерывный вопль о своей „непримиримости” часто бывает подозрительным). Только такие могут быть названы эмигрантами. Поскольку газета, журнал не выполняет условия – не дает твердого „исповедования” непримиримости – постольку данный орган не эмигрантский²².

В дальнейшем публицист заявляла: «Не пора ли наконец, понять эту простую вещь: нет непримиримости – нет и эмиграции. Бытия нет»²³.

С этой нерпеклонной позиции Гиппиус критиковала, например, в статье *О «Верстах» и о прочем* (1926)²⁴ журнал «Версты» и его просоветскую идеологию, которая отразилась в лозунге «Лицом к России!»²⁵.

Возникает вопрос, разве столь категорическая идейная позиция писательницы формировала в ее мировоззренческой парадигме образ врага? Естественно, да, ибо она легко оперировала категорией врага²⁶. Враг вообще ассоциируется с чужим. Поскольку для непримиримого врагом – в общем плане является большевик, постольку также для всякого эмигранта большевик должен быть врагом. Врагом и противником становится при этом тот, кто не исповедует идеологию непримиримости, ибо он на самом деле примиримый с миром большевиков Советского Союза. Кстати, сами Мережковские очутились на позиции врага в кругу эми-

²² З.Н. Гиппиус, *Опять о непримиримости*, с. 472.

²³ Там же, с. 474.

²⁴ З.Н. Гиппиус, *О «Верстах» и о прочем*, [в:] *Чего не было и что было* (впервые: «Последние новости», 1926, № 1970, под псевдонимом Антон Крайний). Здесь она уточняла: «Самые непримиримые, самые сознательные, и те пространно объясняют, что если они непримиримы к большевикам – это еще не значит, что они не любят Россию или хотят „старой” России (как будто это нужно объяснять! Как будто сама непримиримость не лучшее свидетельство этой любви!)», с. 164.

²⁵ «Версты», 1926–28, редакторы: Д. Святополк-Мирский, П. Сувчинский, С. Эфрон. С журналом сотрудничали: А. Ремизов, М. Цветаева, Л. Шестов.

²⁶ См. о понятии и образе врага у Гиппиус: I. Krycka-Michnowska, *Propaganda antybolszewicka w porewolucyjnej publicystyce Zinajdy Gippius*, [w:] *Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej*, pod red. A. Dudka, Kraków 2010, s. 483–493.

грантов, оказавшись в изоляции, чужими: «Большинство из нас перестало бывать у Мережковских» в период заинтересованности Гитлером и упований «поразить дракона с помощью Гитлера», вспоминал Василий Яновский²⁷. Кроме того Гиппиус была «чужой» еще и потому, что находилась как эмигрант в европейской, французской культуре, хотя хорошо ей знакомой и постоянно осваиваемой, тем не менее, эта культурная почва ей была «чужой» в духовном и ментальном планах.

Проблематику врага можно рассматривать у Гиппиус также в аспекте ненависти к странам. К примеру, когда Пилсудский, на которого надеялись Мережковские в Польше, заключил договор с большевиками в Риге, Гиппиус абсолютно отрицала это перемирие, обвиняя несамостоятельную Польшу в подчинении Европе и ее диктату, в основном Ллойда Джорджа, премьер-министра Англии в 1916–1922 гг.:

Почему Польша так настойчиво, почти унизительно стремилась к миру с большевиками – загадка. И так давно! Натиск обидиотевшей Европы – единственное объяснение²⁸.

В *Варшавском дневнике* Гиппиус заявляла:

поляки отправили свою несчастную делегацию к Барановичам – молить издевающихся большевиков о перемирии. Что происходит? Очень странно, во всяком случае²⁹.

С характерной писательнице антиномичностью мнений она переходит от одобрения, первоначально положительного отношения к Польше и Пилсудскому, к полному разочарованию, страстной и хлесткой критике, наконец, к вражде.

Этическая поляризация архетипической модели «добра» и «зла», произошедшая в результате Октябрьской революции, а также разделение общества на антитезу: «мы» и «они» впоследствии стали трагическими фактами. Гиппиус непреклонно придерживалась этой однозначной этической и одновременно политической матрицы: «черное-белое», а скорее «красное-белое», «да-нет», разделяя действительность в таком вот идеологическом дихотомическом восприятии: с одной стороны СССР с большевистской властью, с другой же русское зарубежье с его миссией сохранения старого, дооктябрьского порядка культуры. Поэтому позицию Гиппиус надо видеть, прежде всего, в аксиологическом плане, связывая ее политические идеи, и главным образом идею не-

²⁷ См. В. Яновский, *Поля Елисейские. История «Незамеченного поколения» русского зарубежья. Книга памяти*, Москва 2012, с. 205.

²⁸ З.Н. Гиппиус, *Польша 20-го года*, с. 226.

²⁹ Там же, с. 220.

примиримости, с проблемой ценностей. Ибо социальные ценности воспринимаются ею как достоинства и как гражданские добродетели. По ее мнению, в общественной жизни надо вести себя прилично, сохраняя нравственность, моральные компетенции и патриотическую позицию. Таким образом, идейная позиция Гиппиус была бескомпромиссной, а мировоззренческая картина, которую она создала в своих публицистических статьях, обнаружила полностью, что враг – большевик держит сторону зла и продуцирует это зло, не сохраняя этических принципов и не учитывая нравственности и христианской морали. Он там, в Совдепии и его надо непременно уничтожить. В эмиграции же для нее врагом – противником, не соратником, но врагом поменьше, можно бы сказать потенциальным врагом (по крайней мере «не своим»), являются те, у кого есть другое мнение на тему большевизма и проявляется желание «совработы» (сорботы) с режимом. Таких «совработников», как считала писательница, надо бы преобразить и направить на правильный путь мышления, внушая им правду о происшедшем. Именно с этой педагогической заданностью она стала так активно заниматься в зарубежье публицистической деятельностью. При этом также саму эмигрантскую среду она делит на своих, т.е. непримиримых и на чужих эмиграции, т.е. неэмигрантов, но врагов. Сквозь оппозицию своей (т.е. непримиримый) – чужой (т.е. враг) у Гиппиус высвечивается патриотическая позиция и ценностное отношение к дореволюционной России. Это между прочим очень важный компонент ее личностной идентичности.

Если уж пользоваться буквально фигурами врага, который просвечивает в видении писательницы, то в эмигрантской бытийной обстановке это будет, например, евразиец, редактор журнала, критик, идейный оппонент, то есть всякий, кто попадает в поле критического осуждения публицистки, кто не разделяет сходных с нею идеалов, главным образом, подчеркнем, касающихся смысла существования русской эмиграции.

Стоит однако упомянуть, что несмотря на резкие оценки эмигрантских кругов и частые выпады против других лиц иного, чем у Гиппиус мнения, она нередко упоминает как раз о потребности идейного разнообразия, пытаясь сохранить в полемике с другими своего рода умеренность.

Гиппиус как представитель демократической интеллигенции и правых кругов, исходя именно из таких идейных позиций, спорит и критикует всех тех, кто пытается любым способом сотрудничать с советской властью. Осуждению подвергались, например, эсеры, левые, круг евразийцев и другие политические ориентации. Евразийцы в своей программе говорили о сотрудничестве, «сорботе» с большевиками в России. Принципиальная критика и атака антибольшевистской писательницы появилась после собрания евразийцев, которое состоялось 23 января 1929 года и где был прочитан доклад Н. Алексева *Русское западничество (К обоснованию евразийства)*. Евразийское движение (Николай Тру-

бецкой, Петр Сувчинский, Петр Савицкий, Лев Карсавин, Георгий Вернадский) соблазняло эмигрантов вольнолюбивыми идеалами, утопической на самом деле доктриной просвещения советом и преобразования мирным путем советской власти в евроазиатскую цивилизацию. Евразийские планы контакта с советской страной и симпатизирование ее идеологии в среде эмигрантов нашли критический отклик во многих статьях Гиппиус. К примеру, в названной уже статье *Опять о непримиримости* (1929) или *Второй кошмар* (1927)³⁰.

Резкое осуждение евразийских мнений³¹ тем более заслуживает критики и отвержения, по мнению Гиппиус, что эти лозунги и их просоветская пропаганда порождают плоды, находят одобрение среди эмигрантской молодежи, которая высказывается за сотрудничество с большевиками, одобряет советскую молодежь и ее идею и вполне согласна с призывом к возвращению в СССР. Напомним, что по идейно-политическому принципу непримиримости, требовалась борьба с теми течениями, которые призывали к примирению и сотрудничеству с коммунистическим режимом в Советском Союзе, в основном со «сменовеховством», «возвращенчеством» и «советским патриотизмом»³². Поэтому Гиппиус критиковала тех молодых людей, которые оказывались сторонниками возвращенства. Для писательницы они стали уже «не эмигрантами, не русскими изгнанниками, не сыновьями России». Они не сыновья также и СССР, но они могут стать лишь «сообщниками и рабами» советской системы, сыновьями какой-то «Москвазии»³³. При этом Гиппиус легко соотносит евразийцев с коммунизмом (*Второй кошмар*), сравнивая их мировоз-

³⁰ Статья впервые была напечатана в «Последних новостях» как прения по докладу Павла Милюкова на вечере евразийцев, который состоялся 2 марта 1927 г. П.Н. Милюков, историк, публицист, видный политический деятель, один из организаторов партии кадетов, стал редактором «Последних новостей» с 1921 г.

³¹ З.Н. Гиппиус, *Второй кошмар*, [в:] *Чего не было и что было*, с. 285–291. Писательница упрекала евразийцев в безыдейности, отсутствии идеи свободы и фальшивом понимании религии. Писала: «Евразия вообще не идея и никаких атрибутов идеи не имеет» (с. 287–288). «...оплотом евразийства объявляется православная церковь, ..., коей покорены будут все инакомыслящие еретики. Как бы православный интернационал» (с. 287). Перечень эмигрантских типов по Гиппиус: «Фашист, социалист, монархист, чекист, графоман, советоман, революционер, православный, народолюб, непман, – не говоря о националистах всех толков, – для каждого в евразийстве есть зацепочка, каждому какая-нибудь голова да улыбается». Там же, с. 285.

³² См. А.В. Млечко, *Литературная, культурная и общественная жизнь русского зарубежья (1920–1930-е годы): течения, объединения и издательские центры*, [в:] *Литература русского зарубежья (1920–1990)...*, с. 26–27.

³³ З.Н. Гиппиус, *Опять о непримиримости*. Она писала здесь, ссылаясь на письма совершивших легальную поездку в СССР молодых людей: «Спешу подчеркнуть, что выдержка эта приведена без малейшего намерения кого-либо критиковать, судить или даже оценивать. [...] хочу лишь спокойно констатировать факт евразийской работы среди эмиграции, над такими, вот, юношами: „не обработанный“ письма этого на написал бы! А то подобная работа есть „с-работа“ с большевиками, даже „совработа“, – кто будет отрицать». Там же, с. 470.

зренческую платформу с ленинскими лозунгами, намекает на элементы обмана в обеих доктринах³⁴, постоянно отмежевывается от кошмара «рабской Евразии»³⁵. Приведем еще – по статье *Второй кошмар*, – словарь понятий и изысканных отрицательных метафор, с помощью которых Гиппиус деградирует евразийские идеи: «дешевая грация» (относится к Вышеславцеву), «мелкий рационализм», «существо называемое евразийством», «многоголовое существо», «если это система, а не просто „чего изволите”», «православный интернационал»³⁶.

Писательница то и дело в своих публицистических текстах рассматривает эмигрантскую среду в идейном плане, говоря о идеологическом многообразии этой эмигрантской политической картины, о «биении» политически-идейных мнений разных ориентаций. Постоянно полемизируя и нападая на других, создавая разные новые идейные понятия и классификации, она, тем не менее, нередко упоминает также о потребности «идейного разнообразия». Итак, есть в видении Гиппиус идейной панорамы эмиграции разные оттенки эмигрантов с их политическими взглядами: сторонники непримиримости, в основном – это правые круги, консервативные, с наиболее «консервативной» интеллигенцией. Далее есть – полуэмигранты, то есть не «соглашатели», которые иногда могут быть «сорботниками» с советским режимом, но сотрудничать с ним без предумышленности. Их можно определить по-другому, как *flottant* – «развевающиеся, бьющиеся как флаг по ветру», которые в сознании Гиппиус ассоциируются, прежде всего, с болезнью левых кругов эмиграции, продающих «за чечевичную похлебку» звание и место «эмигрантов», отказываясь от непримиримости, предоставляя непримиримость в исключительное пользование правым³⁷. Для Гиппиус такими *flottant* будут, например, прозелиты из крыла левых, которые стремятся направо, а одна из прозелитских левых групп, по ее мнению, – это группа «Последних новостей»³⁸.

В этой мути прозелитизма, разногласия, раздоров, нескончаемых споров и борьбы, несогласия и согласия, разделения и соединения в эмигрантском кругу Гиппиус, тем не менее, активно работала для идеи объединения разных

³⁴ З.Н. Гиппиус, *Второй кошмар*, с. 288.

³⁵ Там же, с. 291.

³⁶ «Евразия» (1928–29) – еженедельник, в котором поднимались вопросы культуры и политики. Ред. П. Арапов, Л. Карсавин, Д. Святополк-Мирский, П. Сувчинский. Издавался в Клармаре под Парижем.

³⁷ З.Н. Гиппиус, *Опять о непримиримости*, с. 473.

³⁸ Гиппиус имеет в виду как пример прозелита, м. пр., господина Кудрюмова, то есть Марию Александровну Каллаш (1885–1954), литературоведа, которая публиковала в «Последних новостях», под псевдонимом Кудрюмов, религиозные статьи. См. З.Н. Гиппиус, *Опять о непримиримости*, с. 474.

политических направлений эмиграции и призывала к согласию, хотя не уставала повторять, что непримиримость не объединяет. Так писала она об этом, например, в статье 1928 г. *Компас*³⁹:

Сколько зовов к „объединению” эмиграции, самому широкому, лишь бы одушевляла „непримиримость”! [...] непримиримость сама по себе не может „объединять”; во всяком случае, объединение на непримиримости – статично⁴⁰.

Ибо только идея свободы в состоянии соединять разрозненные политические крылья. С другой же стороны, публицист советовала старорежимно-левой, эмигрантской интеллигенции, чтобы понять (хотя считала эту идею все еще преждевременной и пока утопической),

что непримиримость – атрибут не правых и не левых, а всех детей одной матери, всех русских изгнанников – „эмигрантов”? Да ведь это целая революция! До революционности большинство наших „левых” (самых левых) интеллигентов еще не дошло. [...] Несогласия и согласия, разделения и соединения, все – потом. Но сначала надо *быть*, не правда ли?⁴¹.

Иным примером, иллюстрирующим факт злоупотребления словом «непримиримость», являются выпады писательницы против журнала «Борьба за Россию» (журнал издавался в Париже в 1926–1931 гг.), основной идеей которого было объединиться под знаменем «Мы зовем к непримиримости». Сама идея, акцентируемая редакцией журнала, осуждается Гиппиус отрицательно, так как призыв был направлен, прежде всего, к интеллигентам, оставшимся в СССР. Однако, согласно ее мнению, это был не тот адресат, ибо интеллигенты, жившие в метрополии, ведь остались, – заявляла Гиппиус, – «непримиримыми в СССР и не перешли на сторону советской власти?»⁴². Кроме того, стоит подчеркнуть, что факт попытки контакта либо малейшего сотрудничества с советами сам по себе вызывал уже негодование писательницы.

Целью журнала была задача послужить «широкому объединению антибольшевистских течений эмиграции и положить начало «действенной работы

³⁹ З.Н. Гиппиус, *Компас*, с. 377–384 (впервые напечатано: «Возрождение», Париж 1928, 13 марта № 1015, с. 2–3).

⁴⁰ Там же, с. 382.

⁴¹ З.Н. Гиппиус, *Опять о непримиримости*, с. 474.

⁴² З.Н. Гиппиус, «*Борьба за Россию*», с. 253–257 (Статья написана под псевдонимом Лев Пущин, впервые напечатана в журнале «Новый Дом», 1927, № 3, с. 37–39). Редакторами журнала «Борьба за Россию» были: В.Л. Бурцев, (до 1928), А.В. Карташев, С.П. Мельгунов, Т.И. Полнер, П.Я. Рысс, М.М. Федоров.

для установления более тесной связи с Россией и для проповеди активизма»⁴³. Гиппиус, выступая против соединившихся в журнале редакторов Карташева и Мельгунова, хотя снисходительно относилась к подобного рода соединению, тем не менее, расценивая его как бесполезное, заявляла:

Можно или нельзя класть „непримиримость” во главу угла, и ... чтобы ни шагу – дальше? [...]. Но каждый из разномыслящих (обо всем, что „дальше”) редакторов считает, вероятно, что можно. [...] и соединение их ни с какой стороны критике не подлежит⁴⁴.

Подытоживая, надо сказать, что идея непримиримости эволюционировала во взглядах писательницы. Эта идея, развиваемая в 20-е гг. с особой энергией, вдохновляла прежде всего публицистическую деятельность автора. Яркая ненависть к большевикам, противостояние «Царству Антихриста», пафос и возвышенная «революционная духовность» были в идейной программе Гиппиус лишь первоначальной стадией, ведущей в сторону развития и роста других более продуктивных идей. Этой новой идеей оказалось объединение в разрозненных политических лагерях, соединение спорящих групп для главной цели, т.е. поддержки высокой миссии эмигрантов: сохранения исторического и культурного наследия России. Потом в 30-е годы, эпохе, которая встречается уже с новыми мировыми проблемами: фашизма, сталинизма и террора, «непримиримость» как идея в мировоззрении Гиппиус затихает, уступая место, – что видно в ее публицистических статьях, – новым темам. Писательница более внятно и расширенно говорит тогда о понятии «третьей России»⁴⁵. Ибо Гиппиус отлично понимала, что «идти по старой тропинке» дальше нельзя, поэтому в своих статьях писательница все чаще обращается также к литературным вопросам, воспоминаниям о писателях и давних встречах с ними, занимается оценкой их творчества. Она почти безропотно переносит изгнание, все сильнее чувствует нереальность возврата на родину из Парижа, который становится тогда «парижским углом», местом ее пребывания уже навсегда⁴⁶.

⁴³ См. *Комментарии*, т. 2, с. 569.

⁴⁴ З.Н. Гиппиус, «*Борьба за Россию*», с. 257.

⁴⁵ См. шире: А. Woźniak, „Trzecia droga” Zinaidy Gippius. *Idee tożsamości narodowej wśród postrewolucyjnej emigracji rosyjskiej*, [w:] *Tożsamość, indywidualizm, wspólnotowość w kulturze rosyjskiej*, pod red. А. Raźny, Kraków: UJ 2014, s. 99–114.

⁴⁶ См. тексты З. Гиппиус 30-х гг.: *У нас, в Париже (Письмо из Франции); На парижских улицах запахло порохом; В Париже успокоения нет; В нашем парижском углу; В парижском углу не скучно*, [в:] З.Н. Гиппиус, *Арифметика любви. Неизвестная проза 1931–1939 годов*, С.-Петербург 2003.